М. В. Виноградова, И. Г. Григорьева,
А. В. Молчанова, Л. В. Соколова

Интегративный подход к изучению причин возникновения виктимной деформации в юношеском возрасте

Исследование посвящено изучению причин виктимной деформации личности, на основе полученного опыта межличностных отношений между обучающимися юношеского возраста, с учетом личностного социального опыта и условий, обеспечивающих возможность возникновения рисков ревиктимизации. Основные результаты разных авторов показали умеренные взаимосвязи моделей самоповреждающего и саморазрушающего виктимного поведения с применением когнитивной копинг-стратегии «проблемный анализ» при отрицательной корреляции с поведенческой копинг-стратегией «конструктивная активность». Выявлена динамика регулирующих черт личностной виктимности с опорой на склонность действовать определенным образом. Также отмечена общность категорий и наличие потребностей, которые могут усиливаться между склонными и несклонными к виктимному поведению юношей.

Результаты констатирующего и интерпретирующего экспериментов исследования позволили сформировать представление о виктимности, как реакции характерной для юношеского возраста в соответствии с имеющимся уже опытом виктимизации, соотносимым с различными моделями дезадаптации.

В процессе исследования использованы методы интегративного подхода, системного анализа, моделирования, тесты, педагогический эксперимент, математические методы обработки данных, и др. Проведенное исследование позволило сделать выводы о иерархии потребностей респондентов юношеского возраста, направленных на приобретение и обладание желаемого, и различия их во времени; сформировано представление о способах достижения своих целей и причинах возникновения виктимной деформации личности в юношеском периоде. Полученные первые результаты, пока не позволяют абсолютировать имеющуюся полученную экспериментальным путем информации, но начальный этап изучения позволил разработать и внедрить технологии психолого-педагогического сопровождения юношей, склонных к виктимному поведению, на этапе их самоопределения.

Ключевые слова: интегративный подход, системный анализ, виктимность, виктимная деформация, дезадаптация, юношеский возраст, склонностью к ревиктимизации, потребности в достижении, потребности в приобретении и обладании, потребности в аффилиации

Ссылка для цитирования:

Виноградова М. В., Григорьева И. Г., Молчанова А. В., Соколова Л. В. Интегративный подход к изучению причин возникновения виктимной деформации в юношеском возрасте // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 341-355. doi: 10.32744/pse.2019.3.26

M. V. VINOGRADOVA, I. G. GRIGORIEVA,
A. V. MOLCHANOVA, L. V. SOKOLOVA

Integrative approach to the study of the causes of victimization strain in adolescence

The research is devoted to the study of the causes of victimization deformation of a personality, based on the experience gained of interpersonal relations between students of adolescence, taking into account personal social experience and conditions that provide the possibility of the occurrence of risks of revictimization. The main results of various authors showed moderate relationships between models of self-damaging and self-destructive victimization behaviours using the "problem analysis" cognitive coping strategy with negative correlation with the "constructive activity" behavioural coping strategy. The dynamics of the regulating traits of personal victimization are revealed, based on the tendency to act in a certain way. The generality of the categories and the presence of needs are also noted, which may increase between those who are prone and not prone to the victim behaviour of young men.

The results of the ascertaining and interpretive experiments allowed us to form an idea of victimization as a reaction characteristic which is peculiar for adolescence, in accordance with the experience of victimization already available, which is correlated with various models of maladaptation.

In the process of research, the methods of integrative approach, system analysis, modelling, tests, pedagogical experiment, mathematical methods of data processing, etc. were used. The study made it possible to draw conclusions about the hierarchy of needs of respondents of adolescence, aimed at acquiring and possessing the desired, and distinguishing them in time; the idea of how to achieve their goals and the causes of the victim's deformation of the personality in the adolescence is formed. The first results obtained so far do not allow absolutizing the existing experimentally obtained information, but the initial stage of the study allowed developing and introducing technologies for psychological and pedagogical support of young men prone to victimization behaviour at the stage of their self-determination.

Key words: integrative approach, system analysis, victimization, victimization deformation, maladaptation, adolescence, a tendency to revictimization, the need for achievement, the need for acquisition and possession, the need for affiliation

For Reference:

Vinogradova, M. V., Grigorieva, I. G., Molchanova, A. V. & Sokolova L. V. (2019). Integrative approach to the study of the causes of victimization strain in adolescence. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 39 (3), 341-355. doi: 10.32744/pse.2019.3.26

Введение

Проблема изучения мотивационно-потребностной сферы в юношеском возрасте всегда вызывала пристальный интерес смежных наук: педагогики, психологии, психофизиологии, в настоящее время она усилена тем, что изменяются условия и социальные ситуации развития современной молодежи. Это происходит вследствие переосмысления и переоценки значимости ценностных ориентиров современного общества. Особенно уязвимо реагирует на перемены молодое поколение, у которого еще недостаточно социального опыта на противостояния. Еще отсутствует готовность принять на себя ответственность за результаты своих неосознаваемых поступков, скрытых потребностей, побуждений, реакций, лежащих в основе формирования определенных черт характера.

Особый интерес для нашего исследования представляют юноши и девушки, возраст которых достиг юношеского периода развития в онтогенезе человека, подвергшихся виктимизации и имеющих негативный опыт виктимизации, в том числе и изменения мотивационно-ценностных установок личностной сферы. Вторая дефиниция, это ревиктимизации, как комплекс мер, направленных на результат предупреждения и воздействия на человека или группу людей определенного возраста с целью предотвращения повторной виктимности. Виктимность проявляется, как склонность действовать определенным образом, результирующие черты личностной виктимности раскрываются в динамике. Особенности разрешения ситуации виктимизации оказывают влияние на характерный образ действия личности. Исходя из субъективного видения ситуации и оценки своих возможностей, человек формирует ожидания, цели и строит планы, что в итоге определяет жизненные траектории [6; 7; 13]. Личностная склонность к виктимному поведению по существу является склонностью к ревиктимизации (повторная виктимизация, рецидив жестокого обращения) [10; 11; 15]. Большинство исследователей в качестве черт виктимной деформации личности рассматривают различные симптомы пережитой травмы, выделяя корреляции с нарушением соматического и психического здоровья, аддикциями, эмоциональной дисрегуляцией, в частности, депрессией и суицидальными попытками.

Разрешение названной проблемы способствовало бы гармонизации личностного статуса указанной группы лиц, и как следствие, изменение компонентов качества жизни, таких как физическое здоровье, социальные отношения, окружающая среда [2; 4; 16].

Нами была определена цель нашего исследования – проведение лонгитюдных исследований, направленных на выявление особенностей мотивационно-потребностной сферы лиц юношеского возраста, имеющих снижение качества жизни в области психического благополучия, приводящих негативному опыту виктимизации.

Методы и методики исследования

В исследовании использован комплекс методов теоретического сравнительного анализа, моделирования, др.); экспериментальные методы, как основные – наблюдение и педагогический эксперимент, так и дополнительные (интервьюирование, анкетирование, тестирование, а также методы математической статистики и метода обработки качественного и количественного анализа полученных результатов. Диа-

гностический инструментарий данного исследования состоял из теста-опросника «Склонность к виктимному поведению» А.А. Андронниковой [1] и методики исследования мотивационно-потребностной сферы личности Н.В. Зоткина.

Выборку проведенного исследования составили: обучающиеся 11-х классов школ и 2-х курсов учреждений СПО разных районов Московской области (МБОУ СОШ № 2 г. Руза, МАОУ Гимназия № 1, мкр. Железнодорожный, г.о. Балашиха, ГБОУ СОШ № 1499, г. Москва, техникум им. С. П. Королева, г. Мытищи). Проведенный контент-анализ является частью более обширного исследования [13; 14], включавшего результаты 135 респондентов в возрасте 14-18 лет. Однако наряду с успешным выполнением других тестов психодиагностического комплекса 28 человек проявили сопротивление к работе с методикой Н.В. Зоткина (из них 16 имевших склонность к виктимному поведению и 9 невиктимных). Таким образом, анализу подлежали данные 107 участников (две сравниваемые группы): 52 виктимных (32 юноши и 20 девушек) и 55 невиктимных (28 и 27 человек). Всего для анализа было получено 1037 желаний (или целей).

Результаты исследования

В качестве основных критериев динамических показателей всего хода исследования были проанализированы иерархичность и ранжированность потребностей, среднее количество желаний, формулируемых респондентами в рамках представленной классификации потребностей; реализация полученных в исследовании потребностей во времени (ответы на вопрос «когда?») и наличие представлений о способе достижения своей цели (ответы на вопрос «каким образом?»). Оценка реализации потребностей и желаний во времени производилась с учетом возраста испытуемых, сроков обучения и диагностических критериев в соответствие с периодами, предложенными автором методики. Ответы распределялись по шести категориям:

1. *немедленно*: «сегодня», «сейчас», «завтра»; формулировки, выражающие нетерпение («поскорей бы», «чем раньше, тем лучше»);
2. *в скором времени* (до 1 года): до 6 месяцев («через неделю», «в феврале», «после школы»); от 6 до 12 месяцев («в 18 лет», «в конце лета», «через 8 месяцев»);
3. *нескоро*: от 1 года до 5 лет («в 20 года»); от 5 до 10 лет («после 25»); от 10 лет («в 30 лет»);
4. *когда-нибудь (точно не известно)*: после чего-то, самого по себе неопределенного во времени («по возможности, после свадьбы», «когда стану самостоятельным, независимым и т. д.», «в старости»), либо после событий, о которых совсем не известно («в далеком будущем», «когда будет возможность», «когда будут деньги», «как получится»);
5. *постоянно*: всегда («в любое время», «навсегда», «всю жизнь») или периодически («по выходным», «1 раз в неделю»);
6. *никогда*.

Иерархия потребностей. Поскольку ведущие приоритеты отражают возрастные особенности, можно наблюдать сходство иерархии потребностей для обеих групп (см. рис. 1).

Рисунок 1 Иерархии потребностей для виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста

Среди виктимных лиц юношеского возраста отмечается несколько меньшая направленность на *аффилиацию*. Несмотря на 2-й ранг ее значимости, соответствующие желания сформулировали только 62,06 % респондентов в сравнении с 74,09 % невиктимных. Вероятно, опыт столкновения с агрессией или неприятием побуждает искать реализацию в других сферах.

Другую специфическую особенность группы составили более частые пожелания, связанные с *потребностью в социальной и экономической безопасности* (23,53 %), присутствующие только у 7,61 % невиктимных. При этом у виктимных респондентов формулировки имели более прикладной и личный характер («снижение цен», «чтобы люди стали добрее», «ценились не материальные, а духовные качества других людей», «жить в мире (без войны, грубости, насилия и т. д.)», «справедливость в этом мире»), тогда как у невиктимных респондентов формулировки были более социально желательными («чтобы все дети в детских домах нашли своих родителей», «имели счастливое детство», «все относились друг к другу на равных»). Тенденция может быть проявлением для виктимных респондентов большей актуальности потребности в безопасности.

Реализация желаний во времени. Для оценки реализации желаний во времени проценты рассчитывались по количеству человек, сообщивших цель для соответству-

ющего периода. На первом плане временной перспективы проявили себя *физиологические потребности*, относившиеся исключительно к временным категориям («немедленно» либо «постоянно»). Содержательно их составляют желания: *есть, пить* (вообще или что-то конкретное), *спать* и потребности в *физической активности* (бегать, прыгать, ударить кого-то).

Рисунок 2 Показатели сформированности потребностей в достижении желаний по жизненным периодам для виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста

По содержанию желания обеих групп были связаны с *учебой* (продолжением/завершением обучения; успешной сдачей экзаменов), получением *водительских прав* («сдать экзамен в ГИБДД», «получить права и ездить на мотоцикле»), какими-либо *знаками статуса* («Lamborghini Huracan 2019», «яхта», «дом на Рублевке», «Мальдивы»), а также различными *частными интересами* («красивая свадьба», «власть», «попасть на мировой киберспортивный турнир», «сняться в фильме»).

В группе невиктимных лиц юношеского возраста было получено в 2,2 раза больше высказываний о поступлении в вузы, чем в группе виктимных. Используя методики математической статистики, находим значения коэффициента конкордации, рассчитанного по каждому виду потребностей ($W_{кр} = 723$; $W_{эмл} = 569$; $W_{эмл} < W_{кр}$ при $p = 0,01$) позволили считать согласованность в мнениях экспертов неслучайной, и, следовательно, комплексную оценку сформированности потребностей у виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста в значительной степени верной. Данный факт согласуется с результатами продольного исследования траекторий профессионального престижа и доходов, показавшего, что виктимизация снижала достигнутый впоследствии уровень образования, что выступало опосредующим фактором более низкого и более медленного роста достижений участников [4; 15]. Помимо того, среди испытуемых, имеющих склонность к виктимному поведению, отмечена в 2,2 раза большая доля (43,2 %) уточнявших выбор образовательной организации или специальности («поступить в институт», «поступить в Университет», «поступить на бесплатное обучение в МГУ»), тогда как невиктимные испытуемые (78 %) в 2,6 раза чаще давали более обобщенные ответы («обязательно поступить», «хочу поступить дальше (высшее образование)», «поступить в университет»). Показатель может быть, как проявлением большей открытости (уязвимости, готовности быть искренними) виктимных лиц юношеского возраста, так и их стремлением заявить о своем будущем месте учебы. Отмечается, что опыт виктимизации в детстве положительно связан с ориентацией на престиж на начальном эта-

пе [13]. Однако в дальнейшем выявлено, что в категории после 6,5 лет более высокий по сравнению с первоначальным показатель престижа в среднем утрачивался.

Иерархия потребностей в приобретении и обладании по жизненным периодам для виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста (см. рис. 3).

Рисунок 3 Показатели сформированности потребностей в приобретении и обладании по жизненным периодам для виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста

Содержательно *потребности в приобретении и обладании* для обеих групп представлены покупками *транспорта* (машины, мотоцикла, велосипеда), *недвижимости* (дома, квартиры, гаража), *животных* (собаки, кот, попугая, и др.), *электроники* (компьютера, телефона, фотоаппарата, синтезатора), *одежды, украшений, обуви, игрушек и мебели* (что-либо для дома).

Рисунок 4 Показатели сформированности потребности в аффилиации по жизненным периодам для виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста

Стремление к удовлетворению *потребности в аффилиации* в ближайший год находилось на самой низкой отметке. Большинство для реализации своих желаний указывали время, отсроченное от 1 года до 10 лет. Однако среди невиктимных несколько большее (в 1,4 раза) количество респондентов ожидали реализации соответствующих потребностей в более близкий временной отрезок – от 1 года до 5 лет, в сравнении с виктимными. Для промежутка через 5-10 лет показатели между группами почти уравни-

нивались. Содержательно *потребности в аффилиации* составляли: направленность на *создание семьи* (упоминания о муже, жене, браке), желание *эмоциональных привязанностей* (упоминания о парне, девушке, чувствах), *дружеских отношений* (хороших, верных друзей, подруг «не лицемеров»; «уметь общаться со сверстниками»; «встретить человека, с которым можно поделиться сокровенным»; находиться в кругу похожих на себя людей), ожидание аффилиации со стороны *родителей* («быть хорошей дочкой для родителей», «наладить отношения с близкими людьми», «чтобы семья была более дружной»), а также потребность в *уважении* и боязнь *одиночества*. Можно отметить, что 2/3 невиктимных респондентов исследования отмечают, что в своих целях, связанных с установлением отношений с противоположным полом, ориентировались конкретно на дальнейший брак, тогда, как просто желание *эмоциональной связи* отметили 1/3. Среди виктимных респондентов эти показатели в большей степени сближались. Вероятно, что для лиц юношеского возраста, имеющих склонность к виктимному поведению, самоудовлетворение потребности в аффилиации имеет большее значение, чем социальный статус, придаваемый отношениям, и их перспективность, что может свидетельствовать о большей неудовлетворенности потребности в данной сфере.

В течение ближайшего года практически никто не отводил места *проявлению опеки* (3,04 % виктимных и 5,98 % невиктимных), что, вероятно, обусловлено приоритетом собственных достижений. У большинства респондентов соответствующие планы были отсрочены на промежуток времени от 1 года до 10 лет (37,13 и 36,65 % соответственно). Тем не менее, примерно равное количество респондентов, как хотели осуществления желаемого всегда (33,15 и 32,46 % соответственно), так и давали неопределенные по срокам его реализации ответы (22,17 и 25,12 % соответственно). В зависимости от объекта *потребности в опеке* представлены: желанием завести *детей* (дочку, сына), заботой о *родителях* (родственниках), *младших сиблингах* (помощь, участие в воспитании и др.) и направленность на более абстрактного *социального адресата* («помочь в разработке лекарств от рака», «построить дом для престарелых и помогать им», «помочь незнакомому человеку»).

Среди невиктимных лиц, обнаруживших *профессиональные потребности*, практически все желания, содержащие конкретные сроки реализации, относились к отсроченному периоду от 1 года до 10 лет (у 54 %), только 5 % респондентов сообщили о планах на ближайший год. В то же время у 69,98% виктимных лиц реализация соответствующих планов предполагалась в течение ближайших 5 лет, причем начиная уже с текущего полугодия. О целях на ближайший год в группе виктимных сообщили в 5,2 раза больше респондентов (27,04 %). Вероятно, виктимные лица юношеского возраста, в меньшей степени ориентируясь на удовлетворение потребностей в аффилиации в ближайшие 5 лет (имея то или иное препятствие в удовлетворении или не считая это значимым), находят утверждение в учебно-профессиональной сфере, являющейся ведущей для их возрастного периода. По своему содержанию цели в обеих группах относились к категориям *заработной платы* («зарабатывать хорошие деньги»), достижения *престижа* («добиться большого успеха в карьере», «стать квалифицированным работником», «продвигаться по карьерной лестнице», «работать в Москве»), реализации конкретного профессионального выбора или *идеи* («получить работу, о которой мечтаю с детства», «стать инженером», «открыть свой небольшой бизнес»), а также раскрывали интерес к труду как к *самоцели* («найти работу», «быстрее начать работать»), или как к *средству* (заработать 1 млн дол., «заработать на новую машину»).

Примечательно, что именно по желаниям, отражающим *потребности в жизненном благополучии*, для временного показателя отмечается наибольшее количество ответивших «всегда» в обеих группах (35,12 % виктимных и 29,16 % невиктимных). Однако среди невиктимных в 2,2 раза больше респондентов (40,17 %), чем среди виктимных (19,56 %), планировали достичь жизненного благополучия в период от 1 года до 10 лет ($W_{кр} = 563$; $W_{эмп} = 570$; $W_{эмп} > W_{кр}$ при $p = 0,044$; на уровне тенденции). Наряду с этим у виктимных лиц значительно большая часть пожеланий (27,98 %) относится к неопределенной временной категории «когда-нибудь (точно не известно)», у невиктимных таких ответов в 2,2 раза меньше (12,87 %). Представления о жизненном благополучии включали категории: *денег* («иметь много денег», «жить в материальном достатке», «стать богатым», «муж миллиардер»), *душевного состояния* (счастье, отсутствие проблем, спокойствие), *здоровья* («иметь хорошее здоровье», «здоровых детей», «жить долго»), *работы* (стабильная, успешная, престижная, приносящая удовольствие), а также содержали *абсолютизирующие формулировки* («чтобы все было так, как я хочу», «состояться в жизни как благополучный человек») и более *частные пожелания* («не спиться в дальнейшем», «хочу не быть психом»).

Напряженность потребностей. При сравнении проявления потребностей лиц юношеского возраста по количеству желаний, в среднем формулируемых одним респондентом в рамках потребности, статистически значимый показатель различия между группами отмечается по *потребностям саморазвития и самореализации*. У виктимных лиц средний показатель составил 2,05 желания, тогда как у невиктимных - 3,76 ($W_{кр} = 965$; $W_{эмп} = 930$; $W_{эмп} < W_{кр}$ при $p = 0,015$). Различие характеризует нацеленность невиктимных респондентов на более широкий круг направлений саморазвития, тогда как виктимные участники заинтересованы в развитии более определенных аспектов. Хотя в целом высказывания о потребностях *саморазвития и самореализации* имели большую представленность у *виктимных лиц* (48,16 %) по сравнению с невиктимными (37,19 %), несмотря на общий 7-й ранг значимости потребности. В обеих группах *потребности саморазвития и самореализации* сосредоточены в сферах: *обучения* («повысить уровень английского языка», «пойти на курсы флористов», «понимать геометрию», «стать образованным и умным человеком»), *приобретения навыков или избавления от привычек* («улучшить свои умения рисовать», «уметь разговаривать литературным языком», «бросить курить»), *личностного развития* («изменить свой характер», «стать добрее и уважать чужое мнение», «избавиться от ревности», «воспитать сильную волю»), *усовершенствования внешности* («стильно одеваться», «стать красивее», «крепкие мускулы», «отрастить бороду», «сделать еще тату»), а также связаны с реализацией конкретного *действия* или с каким-либо *событием* («отремонтировать дачный домик», «издать сборник своих стихов», «увидеть комету Галлея»).

Временная перспектива. При рассмотрении всех желаний во *временной перспективе* у виктимных и невиктимных лиц юношеского возраста получено одинаковое количество как ответов «всегда» (69 и 70), так и неопределенных по срокам реализации желаний (101 и 103). Хотя общее количество сформулированных желаний в обеих группах было почти равным (458 и 469), у невиктимных лиц в 1,3 раза больше различных ожиданий по отношению к периоду, отсроченному от 1 года до 10 лет, тогда как у виктимных лиц в 1,3 раза больше как планов уже на ближайший год, так и желаний, которые они хотели бы осуществить незамедлительно.

Факт сужения временной перспективы личности вследствие психологической травмы уже обсуждался в научной литературе. Однако выявленные особенности мотива-

ционной сферы могут также свидетельствовать о том, что виктимные лица юношеского возраста не удовлетворены своим настоящим, поэтому испытывают потребность изменить текущую ситуацию.

Несколько большее количество реакций, отражающих *потребность в радикализме*, было выявлено в группе виктимных респондентов (42,98 %) по сравнению с невиктимными (35,18 %), что независимо от конкретного содержания выражает желание изменений и резкой смены ситуации. Подобные пожелания в обеих группах относятся к категориям *изменения места нахождения (жительства)* («жить за границей», «жить в городе», «хочу жить в музыке», «в мире фэнтези», «вдали от людей, где-нибудь на отдаленном острове, хотя бы пару неделек»), *получения впечатлений* («поехать в Чернобыль», «прыгнуть с парашютом», «побывать в космосе», «найти способ расширения сознания») и *радикальных приобретений* («хочу крылья», «настоящий костюм железного человека»).

Более отсроченные планы невиктимных респондентов можно также объяснить полученным ранее данными [9; 14]. У лиц юношеского возраста, не имеющих склонности к виктимному поведению, ведущим в иерархии является мотивационный тип гедонизма, что в принципе в меньшей степени побуждает к интенсивным действиям для изменения актуальной жизненной ситуации при отсутствии внешних причин. Хотя среди виктимных сверстников соответствующие ценности также получают высокую оценку, они не достигают значимости в качестве руководящего принципа реального социального поведения, как у невиктимных.

Способ достижения. В общей сумме виктимные респонденты указывали *способы реализации* лишь для половины своих целей, в 50 % случаев оставляя графу пустой. Однако различие в этой пропорции для обеих групп было невелико: невиктимные лица смогли указать способ достижения лишь в несколько большем количестве ответов (55,2 %), что незначимо статистически. Некоторое различие можно отметить только в реализации желаний, соответствующих потребности в аффилиации. Среди невиктимных респондентов больше тех, кто не указал способ достижения своих целей (2/3), чем тех, кто смог это сделать. Судя по ответам, те, кто не столкнулся с деструктивным межличностным опытом, рассматривали установление взаимоотношений как нечто само собой разумеющееся («я думаю, как получится», «я думаю, все получится само собой») и затруднялись указать необходимые специфические действия, тогда как лица юношеского возраста, имеющие виктимные установки, в большей степени оценивали удовлетворение аффилиативных потребностей как требующее определенных усилий с их стороны («буду хорошая», «тщательно всматриваться в окружающих людей», «все отдаю ради этого», «общительность, открытость, доверие»).

Сформулированные испытуемыми временные сроки и способы осуществления, желаемого дают лишь предварительную оценку жизненных траекторий и не позволяют прогнозировать реальные действия участников при столкновении с трудностями и даже при отсутствии таковых утверждать о дальнейшей реализации заявленных планов. Однако они отражают как установки, так и оценку собственных возможностей, локуса контроля и самоэффективности респондентов, поскольку проанализированные представления, независимо от их сторонней экспертной оценки, субъективно рассматриваются лицами юношеского возраста как реально осуществимые планы.

Обсуждение результатов

Результаты анализа выявили общность категорий и содержания потребностей, проявивших склонность и несклонность к виктимному поведению респондентов юношеского возраста. В соответствии с ведущими приоритетами, отражающими возрастные особенности, можно наблюдать сходство иерархии потребностей для обеих групп. Однако, различия отмечаются по времени реализации желаемого и наличию представления о способах достижения своих потребностей. Среди общих тенденций выступает направленность на удовлетворение *потребностей в достижениях*, а также в *приобретении и обладании*, наибольшую актуальность они приобретают на ближайший год, снижая интенсивность в период от 1 года до 5 лет и еще более через 5-10 лет. *Потребности в аффилиации* и в *проявлении опеки* отсрочены на период от 1 года до 10 лет.

Склонные к виктимному поведению лица юношеского возраста в большей степени, чем невиктимные, обнаруживают профессиональные потребности и в 3,1 раза чаще имеют пожелания, связанные с *социальной и экономической безопасностью*. В то же время среди них меньше процент проявляющих *аффилиативные потребности*, что может говорить о поиске утверждения и реализации в других сферах.

В последующем через 1-5 лет в 1,4 раза больше невиктимных юношей и девушек планируют реализовать свои *потребности в аффилиации*, а также ожидают в период от 1 года до 10 лет достичь *жизненного благополучия*. В то же время виктимные лица строят интенсивные *профессиональные* планы на ближайшие 5 лет, начиная с текущего полугодия и в 2,3 раза чаще рассматривают достижение жизненного благополучия в неопределенной временной категории («когда-нибудь (точно не известно)»).

Склонные к виктимному поведению имеют более узкий круг интересов в рамках *потребности саморазвития и самореализации*, однако проявляют соответствующую потребность несколько чаще, чем невиктимные. Виктимные лица юношеского возраста не удовлетворены своим настоящим, поэтому испытывают потребность скорее изменить текущую ситуацию. В сравнении с невиктимными сверстниками они имеют в 1,3 раза больше планов на ближайший год и желаний, осуществления которых они хотели бы прямо сейчас, а также формулируют в 1,4 раза меньше ожиданий по отношению к отсроченному периоду от 1 года до 10 лет.

Для лиц юношеского возраста почти в половине случаев непросто сформулировать, каким образом они хотят достигнуть желаемого. Однако в рамках удовлетворения *потребности в аффилиации* среди невиктимных лиц в 2 раза больше тех, кто затруднился указать способ достижения своих целей, чем тех, кто смог это сделать, что, вероятно, свидетельствует о восприятии установления отношений как естественного закономерного процесса, не предполагающего специфических усилий с их стороны.

Срезовой и констатирующий характер исследований помог определить направление рассмотрения виктимности, как состояния (реакции личности на опыт виктимизации). Такой подход препятствует пониманию виктимности, как закономерности межличностного функционирования, основанной на изменении установок мотивационно-ценностной сферы.

Опыт виктимизации может быть связан с различными моделями дезадаптации. Симптоматический комплекс не является статичным. Согласно данным продольного

исследования, в юношеском возрасте один из четырех опрошиваемых, подвергавшихся виктимизации, проявляет повышенный уровень отчуждения, тревоги и соматических симптомов (24,2 %), один из десяти (10,5 %) – высокие уровни делинквентности и агрессии, небольшой процент (7,2 %) имеет повышенные уровни всех симптомов [6; 14]. Помимо того, что большинство респондентов (58,1 %) уже изначально продемонстрировали низкие уровни всех симптомов, стабильность для профиля интернализации составляла 43,2 % – большая часть респондентов (47,9 %) к среднему юношескому возрасту восстановили низкие показатели по всему спектру симптомов. Сохранение профиля было более вероятным для виктимизированных недавно, а также для девочек или индивидуумов с высокой эмоциональностью.

Большинство респондентов, имевших высокие уровни делинквентности и агрессии, в юношеском возрасте сохранили профиль экстернализации (72,2 %). Тем не менее, не подвергавшиеся виктимизации сверстники чаще обнаруживали экстернализационные проблемы, чем пострадавшие юноши и девушки. Многие из ранее проявлявших смешанные симптомы (64,3 %) приобретали профиль интернализации к юношескому возрасту. В целом профиль экстернализации более вероятен для юношей или индивидуумов с низким уровнем самоконтроля. Таким образом, эмоциональные и психосоматические симптомы часто могут являться индикатором, но сами не отражают системобразующие изменения.

Поскольку виктимность проявляется, как склонность действовать определенным образом, результирующие черты личностной виктимности раскрываются в динамике. Особенности разрешения ситуации виктимизации также оказывают влияние на характерный образ действия личности. Исходя из субъективного видения ситуации и оценки своих возможностей, человек формирует ожидания, цели и строит планы, что в итоге определяет жизненные траектории [7; 13], личностный смысл. Личностная склонность к виктимному поведению по существу является склонностью к ревиктимизации [15].

Согласно исследованиям виктимизация в целом прогнозирует непроизвольные формы реакции на стресс. Но если автоматические ответы в виде *непроизвольного отсоединения* (эмоционального оцепенения, бегства или бездействия) прогнозировали последующее увеличение депрессии, то реакции *непроизвольного вовлечения* (в форме «мыслительной жвачки», физиологического возбуждения) не предвещали депрессивных симптомов [8 16]. Возможные корреляции были «замаскированы» в связи с самоотчетом самих респондентов, поскольку, по сообщениям педагогов, они все же отмечались. Вероятно, размышления и эмоциональное возбуждение создают иллюзию решения, проработки проблемы и совладания с ситуацией, что предоставляет юношам возможность построения позитивной картины собственного будущего. Однако ее наличие не позволяет прогнозировать ее реализацию. В частности, нами были выявлены умеренные взаимосвязи модели самоповреждающего и саморазрушающего виктимного поведения с применением когнитивной копинг-стратегии «проблемный анализ» («я стараюсь проанализировать, все взвесить и объяснить себе, что же случилось») при отрицательной корреляции с поведенческой копинг-стратегией «конструктивная активность» [16; 17].

Как правило, виктимизация отрицательно связана с *произвольным вовлечением*, поскольку стратегии активного участия могут ощущаться бесполезными из-за следующих за ними фрустраций и неэффективности, приводя к чувству беспомощности. Использование *произвольного отсоединения* в ситуации виктимизации не всегда возможно, в связи, с чем корреляции с его использованием не были найдены (например,

поведенческое избегание может быть невозможным для юношей, которые проводят большую часть своего дня с той же самой компанией сверстников, а *отрицание* или *принятие желаемого за действительное* может быть затруднительным, когда виктимизация часта)

Заключение

Полученные данные первого этапа нашего исследования, позволили сформировать представление о причинах виктимной деформации в юношеском возрасте, о чертах личностной виктимности и ее динамичности во времени и в соответствии с возрастными изменениями; выявлены умеренные взаимосвязи моделей самоповреждающего и саморазрушающего виктимного поведения с применением когнитивной копинг-стратегии. Сформировалось целостное представление о иерархии потребностей, причинах их нереализованности и разнообразном проявлении посттравматических симптомов. Выявлена связь виктимного поведения с резким изменением психосоматического и психического самочувствия, аддикциями, эмоциональной неустойчивостью, депрессией. Результаты исследования качества жизни в юношеском возрасте демонстрируют тесную связь между опытом виктимизации и оценкой их психологического благополучия. Следует отметить, что непосредственное влияние на оценку качества жизни оказывают такие его компоненты, как: физическое здоровье, социальные отношения, окружающая среда и др. По результатам исследования можно утверждать, что на снижение оценки качества жизни влияет наличие показателей изменчивости «переменных», относящихся к показателям наличия у испытуемых депрессии и психических расстройств. Сделан вывод о значении констатирующего и формирующего экспериментов способных акцентировать внимание на возникшем опыте виктимизации в юношеском возрасте с учетом интегративного подхода.

Проведен анализ показателей сформированности потребностей в аффилиации по жизненным периодам для виктимных и невиктимных юношей и девушек. Результаты исследования подтвердили предположение о существовании тесных связей между виктимизацией и низким качеством жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронникова О.О. Роль семьи в формировании неадаптивных форм виктимного поведения детей // Семья в XXI веке: Сборник материалов международного экспертного симпозиума. Новосибирск, 2013. С. 156–164.
2. Виноградова М.В., Григорьева И.Г., Молчанова А.В. Разработка эффективной дорожной карты преподавателя вуза: ожидания и реальность // Человеческий капитал, 2018. № 3(111). С. 61–66.
3. Волкова В.В. Семейные детерминанты виктимного поведения // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работ. 2011. Т. 16. № 2. С. 48–52.
4. Матусевич А.М. Психологические аспекты виктимности // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 924–927.
5. Музыченко Д.С. Когнитивный подход в изучении виктимной личности / Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 20–22 апр. 2017 г. Калуга, 2017. С. 247–253.
6. Музыченко Д.С. Мотивационно-ценностный профиль виктимной личности в юношеском возрасте // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. Вып. 6. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: О.С. Попова (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2016. С. 195–203.
7. Музыченко Д.С. Психологическое сопровождение склонной к виктимному поведению личности / // Актуальные проблемы психологии и конфликтологии : сб. науч. ст. / под науч. ред. Е.В. Самаль, Н.В. Смирновой. Минск, 2016. С. 189–191.
8. Одинцова М.А. Психологические особенности виктимной личности // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 59–67.

9. Остапенко Г.С. Основные дефиниции интеграции гетерохронного развития когнитивной сферы в подростковом онтогенезе / Г.С. Остапенко, Н.П. Фетискин // Триада здоровья нации, качество жизни и гармоничного общества как основа устойчивого развития России в 21 веке : материалы международного конгресса, 12-14 сентября 2014 г. / отв. ред.-сост. А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин, Т.И. Миронова: в 2 т. Т. 2. М.: Кострома: КГУ им. А.Н. Некрасова, 2014. С. 38-45.
10. Руденский Е.В. Депривационный виктимизм как социально-психологический механизм онтогенеза личной виктимности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1(38). С. 141–146.
11. Фалкина С. А. Психологические характеристики подростков, склонных к виктимному поведению в интернет-сети // Перспективы науки и образования. 2014. № 1. С. 230-236.
12. Фоминых Е. С. Психологический мир виктимной личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 1496–1500. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53302.htm>. (дата обращения: 1.06.2019).
13. Фоминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Концепт. 2014. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-viktimnosti> (дата обращения: 1.06.2019).
14. Chen Y.Y. Precollege and in-college bullying experiences and health-related quality of life among college students / Y.Y. Chen, J.H. Huang // *Pediatrics*. 2015. Vol. 135, № 1. P. 18-25.
15. Fernandez C.A., Christ S.L., LeBlanc W.G., Arheart K.L., Dietz N.A., et al. Effect of Childhood Victimization on Occupational Prestige and Income Trajectories. *PLOS ONE*, 2015, 10(2): e0115519. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0115519>
16. Multifinality of peer victimization maladjustment patterns and transitions from early to mid-adolescence IT. Kretschmer [et al.] // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 24. № 10. P. 1169-1179.
17. Mejia, B. Traumatic experiences and revictimization of female inmates undergoing treatment for substance abuse [Electronic resource] / B. Mejia, P. Zea, M. Romero, G. Saldivar // *Substance abuse treatment, prevention, and policy*. 2015. Vol. 10. № 1(5). Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4429492>. Accessed 1 June 2019
18. Peer victimization in middle childhood impedes adaptive responses to stress: a pathway to depressive symptoms / W. Troop-Gordon. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2015. Vol. 44. № 3. P. 432-445.

REFERENCES

1. Andronnikova O.O. The role of the family in the formation of non-adaptive forms of victimization behavior of children. *Family in the XXI century: Collection of materials of the international expert symposium*. Novosibirsk, 2013. p. 156–164. (in Russ.)
2. Vinogradova M.V., Grigorieva I.G., Molchanova A.V. Development of an effective roadmap for a university teacher: expectations and reality. *Human Capital*, 2018. No. 3 (111). P. 61-66. (in Russ.)
3. Volkova V.V. Family Determinants of Victim Behavior. *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2011. Vol. 16. No. 2. P. 48–52. (in Russ.)
4. Matusevich A.M. Psychological aspects of victimhood. *Young scientist*. 2014. No. 8. P. 924–927. (in Russ.)
5. Muzychenko D.S. Cognitive approach to the study of victimhood personality / *Personality, intelligence, metacognition: research approaches and educational practices: Proceedings of the II Intern. scientific-practical conf.* Kaluga, 20-22 April 2017, Kaluga, 2017. pp. 247-253. (in Russ.)
6. Muzychenko D.S. Motivational and axiological profile of a victimized person in adolescence / *Psychological support of the educational process: Part 1. Minsk*, 2016. pp. 195-203. (in Russ.)
7. Muzychenko D.S. Psychological support prone to victimization behavior of the individual / *Actual problems of psychology and conflictology*. Minsk, 2016. P. 189-191. (in Russ.)
8. Odintsova M.A. Psychological features of the victim's personality. *Voprosy psichologii*. 2012. no. 3. P. 59–67. (in Russ.)
9. Ostapenko G.S. The main definitions of integration of the heterochronic development of the cognitive sphere in adolescent ontogenesis / G.S. Ostapenko, N.P. Fetiskin / *Trinity of health of the nation, quality of life and harmonious society as the basis for sustainable development of Russia in the 21st century: materials of the international congress, 12-14 September 2014* / Ed. A.L. Zhuravlev, N.P. Fetiskin, T.I. Mironova: 2 Vol. Vol. 2. Kostroma, KSU Publ., 2014, pp. 38-45. (in Russ.)
10. Rudensky E.V. Deprivation victimization as a socio-psychological mechanism of ontogenesis of personal victimization. *World of science, culture, education*. 2013. No. 1 (38). P. 141–146. (in Russ.)
11. Falkina S. A. Psychological characteristics of adolescents prone to victimization behavior in the Internet network. *Perspectives of science and education*. 2014. No. 1. P. 230-236. (in Russ.)
12. Fominykh E.S. The Psychological World of a Victim Personality. *Scientific-methodical electronic journal "Concept"*. 2013. Vol. 3. P. 1496–1500. Available at: <http://e-koncept.ru/2013/53302.htm>. (accessed 1 June 2019). (in Russ.)
13. Fominykh E.S. Psychological mechanisms of victimization. *Concept*. 2014. No. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-mehanizmy-viktimnosti> (accessed 1 June 2019). (in Russ.)
14. Chen Y.Y. Precollege and in-college bullying experiences and health-related quality of life among college students / Y.Y. Chen, J.H. Huang. *Pediatrics*. 2015. Vol. 135, № 1. P. 18-25.

15. Fernandez C.A., Christ S.L., LeBlanc W.G., Arheart K.L., Dietz N.A., et al. Effect of Childhood Victimization on Occupational Prestige and Income Trajectories. *PLOS ONE*, 2015, 10(2): e0115519. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0115519>
16. Multifinality of peer victimization maladjustment patterns and transitions from early to mid-adolescence IT. Kretschmer [et al.]. *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. Vol. 24. No. 10. P. 1169-1179.
17. Mejia, B. Traumatic experiences and revictimization of female inmates undergoing treatment for substance abuse [Electronic resource] / B. Mejia, P. Zea, M. Romero, G. Saldivar. *Substance abuse treatment, prevention, and policy*. 2015. Vol. 10. No. 1(5). Available at: [//www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4429492](http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4429492). Accessed 1 June 2019
18. Peer victimization in middle childhood impedes adaptive responses to stress: a pathway to depressive symptoms / W. Troop-Gordon. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2015. Vol. 44. No. 3. P. 432-445.

Информация об авторах

Виноградова Марина Викторовна

(Россия, г. Москва)

Доктор экономических наук, доцент

Директор научно-исследовательского института

перспективных направлений и технологий

Российский государственный социальный университет

E-mail: m9152531115@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5051-9404

Григорьева Ирина Григорьевна

(Россия, г. Москва)

Учитель начальных классов, учитель английского
языка

Школа № 1499 имени Героя Советского Союза Ивана

Архиповича Докукина

E-mail: Lirikira@yandex.ru

Молчанова Алла Владимировна

(Россия, г. Москва)

Кандидат педагогических наук, доцент, специалист

дополнительного профессионального образования

Институт международного права и экономики имени

А.С. Грибоедова

E-mail: alla-molchanova67@mail.ru

Соколова Лариса Владимировна

(Россия, г. Москва)

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры

непрерывного образования

Московский государственный областной университет

E-mail: larisa20011@mail.ru

Information about the authors

Marina V. Vinogradova

(Russia, Moscow)

Doctor of Economics, Associate Professor,

Director of the Research Institute of Perspective

Directions and Technologies

Russian State Social University

E-mail: m9152531115@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5051-9404

Irina G. Grigorieva

(Russia, Moscow)

Primary school teacher,

English teacher

School No. 1499 named after Hero of the Soviet Union

Ivan Arkhipovich Dokukin

E-mail: Lirikira@yandex.ru

Alla V. Molchanova

(Russia, Moscow)

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Specialist of Additional Professional Education

Institute of International Law and Economics named

after A.S. Griboedov

E-mail: alla-molchanova67@mail.ru

Larisa V. Sokolova

(Russia, Moscow)

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Department of Continuing Education

Moscow Region State University

E-mail: larisa20011@mail.ru